

Зарядьеология #6 *эстетика, ландшафт, ощущение*** (16.12.2017)**

Участники:

Петр Айду, музыкант, автор постановки «Звуковые ландшафты» в театре «Школа драматического искусства»

Никита Асадов, архитектор, архитектурное бюро Асадова

Эдуард Бояков, театральный режиссер и продюсер

Рустам Рахматуллин, москвовед, писатель

Далия Сафиуллина, партнер «КБ Стрелка», руководила разработкой модели «Зарядья» и проведением международного конкурса на архитектурную концепцию парка в Москве

Авторы проекта «Невидимый танец в Зарядье» (совместный проект ЦЕХа и Школа Родченко): преподаватель курса Основы фотографии в Школе Родченко и куратор проекта «Невидимый танец» *Ольга Матвеева* (Школа Родченко), участник проекта *Анна Леонова*, педагог ЦЕХа, куратор Центра современного танца ЦЕХ *Алена Папина*

Организаторы:

Аня Данилина, *Елена Овденко*, *Маргарита Чубукова* (Высшая школа урбанистики им. А. А. Высоковского НИУ ВШЭ)

Елена Овденко: <Мы сегодня поговорим> о эстетике, о ландшафте и об ощущениях, о Зарядье в рамках нашего многоугольного стола. Я представляюсь, меня зовут Елена, я вместе с Анной Данилиной и Маргаритой Чубуковой организовывала данный круглый стол. Вот. И я бы хотела обозначить несколько направляющих для данной беседы. Каждому эксперту мы предоставим слово, высказаться коротко, примерно семь минут. Далее у нас будет общее обсуждение, вопросы из зала, поэтому будьте внимательны.

Итак, Зарядье. Ландшафт Зарядья. Мы понимаем это как очень широкое и объемное нечто, мы видим это не только как визуальный ландшафт, по которому мы ходим... Хотя некоторые считают, что по ландшафту Зарядья сложно ходить. Как, например, историк архитектуры Николай Васильев сказал, что это горнолыжный курорт... Горнолыжные уклоны. Вот мы бы хотели разобраться, а что еще можно делать с ландшафтом, как его можно ощущать, воспринимать. Тактильно, в том числе...

Также мы понимаем, что парк помещен в некую среду и окутан некоторыми историческими пластами... И возникает вопрос: во-первых, парк ли это или что-то другое? Воспринимается оно не как парк, а как что-то иное – по своим функциям, содержанию. Второй вопрос: повлиял ли на разработку парка тот факт, что его делала группа архитектурных бюро, в составе которой было иностранное. Отразилось ли это как-то на внешнем облике бюро [*парка*], приобрел ли он интернациональный вид, или есть в нем русские черты? Также мы понимаем, что он окутан историческими пластами, которые наслаиваются. И вот вопрос: парк вписался, или он контрастирует с ними? И мы не можем оставить без внимания тот факт, что парк окутывают разные звуки, и наполняют разные звучания. Как музыка парка, которая сменялась несколько раз, которая вызывает разные впечатления, а также те звуки, которые доносятся от автодорог, и в какой-то момент на несколько минут прерываются звоном колоколов. Как все объединяется? Резонирует? И наполняет парк? Итак, Зарядье — место концентрации разных смыслов, понятий... Сегодня у нас собрался круглый, как мы говорим, многоугольный стол с разными вершинами, с разными экспертами, которые представляют свои сферы.

Давайте коротко представлю. Это — Никита Асадов, архитектурное бюро Асадова, архитектор. Далия Сафиуллина, партнер КБ Стрелка, занималась руководством разработки модели

Зарядья, а также курировала конкурс на архитектурную концепцию парка. Это — Эдуард Бояков, театральный режиссер и продюсер. Это — Рустам Рахматуллин, москвовед и писатель. А также представитель Школы Родченко Ольга Матвеева, которая в соавторстве с школой современ... Центром современного танца ЦЕХ проводила перформанс «Невидимый танец».

Итак, давайте начнем. Первое слово мы бы хотели предоставить Далие. Расскажите нам, пожалуйста. Сейчас все будет, волшебная палочка будет (*передает кликер*)

Далия Сафиуллина: Добрый вечер. Сегодня я вам буду показывать своеобразного динозавра. Я намеренно использую материалы, которые были сделаны для презентации четыре с половиной года назад, чтобы просто показать некую временную перспективу: как это изначально задумывалось и, может быть, вы сами узнаете, что было в итоге реализовано, а что — нет. Можно, пожалуйста, презентацию включить?

Пока пару слов про... Вообще про... Как вы знаете, в 12-м году было принято очень крупное решение, смелое, что в этом месте, в самом центре Москвы должен быть парк. На тот момент...

(показывая на слайд) Вот, собственно говоря, это единственный слайд, который изменился, который показывает тот рендер, который Diller Scofidio, победители конкурса, предоставили, и то, что реализовано в этом месте.

Так вот, в 2012 году, когда было принято решение о том, что здесь будет парк, никто не знал, каким должен быть современный парк в центре Москвы. Дело в том, что с 1958 года в Москве не было построено ни одного парка. То есть все, что делалось — благоустройство старых, был проект Парка Горького, ревитализация, актуализация, ничего нового. Поэтому встал вопрос: каким же должен быть этот парк. Сразу отмечу, что само решение, что в центре города лакомый кусочек, который Forbes оценил в 1,5 млрд \$, должен превратиться в общественную территорию... Который, по идее... Парки обычно не приносят дохода в казну... Это было очень смелое решение, которое, так или иначе, наметило другую политику, которая потом уже реализовывалась в сфере общественных пространств. Вот здесь показана эта самая территория, она небольшая. И вот с этого начиналась сама идея Зарядья. Вот эти странные квадратики, ничто иное как функциональная модель парка. Это результат довольно длительных исследований, проведенных членами нашей команды, которые посмотрели мировой опыт и в результате поняли, каким должен быть парк. То есть каждый квадратик представляет собой некое помещение или некую зону, которая и есть, в соответствии с размером, какая-то площадь. Здесь уже видно, что есть несколько входов в этот парк; видно, что достаточно большая часть зеленых территорий.

(комментарий к слайду «Посещаемость») Это — результат анализа мирового опыта. Когда понимаешь, что не было в Москве ничего подобного, нужно придумать что-то новое, обычно смотрят на то, что делается в мире. Вот здесь, внизу, отражены разные площади парков. Есть гигантский парк Сокольники, есть Централ парк. И вот вопрос: куда же встать Зарядью? Вот видно тоже, что есть Парк Горького (*неразборчиво*) и вот такое небольшое, камерное Зарядье.

Наверху видна посещаемость. Вкратце это говорит о том, что несмотря на то, что Зарядье обладает очень небольшим размером, изначально предполагалось, что оно будет более посещаемым, чем даже Парк Горького. Напомню, что тогда, в 13-м году, Парк Горького начинал сильно набирать обороты, и его посещаемость увеличилась по разным данным до 3-х примерно раз, где-то до 4-х раз. И вот была примерно 8 млн человек.

Есть два разных сценария. Парк Горького все-таки в тот момент воспринимался как парк для посещения в течение 3-4 часов, то есть это парк — destination. Парк, куда ты приезжаешь и знаешь, что будешь проводить там много времени. В то время как Зарядье, учитывая, что оно очень близко к Кремлю, что большая часть его истории была все-таки... Предполагалось, что это будут туристы, он предполагался именно, как парк-аттракцион, который будет также транзитным, и посещаемость будет примерно час-полтора. Жизнь покажет, как это стало в реалии. Я думаю, что через год можно будет уже какую-то дату [=data] посмотреть. В тот момент, и это уже то, что осталось в мировом опыте, предполагалось, что посещаемость будет 10-12 млн. Дальше цифра была зафиксирована 10 млн, ну, будем смотреть... Основная... Важная часть парка была в том, что он начал рассматриваться в контексте других общественных пространств Москвы. Напомню, это всё еще до программы «Моя улица», до того, как было определено, что улица должна быть общественным пространством. *(неразборчиво)*

Сейчас покажу вам несколько основных слайдов, которые важны для понимания слова «ландшафт». Первая идея, которая была изложена, — в том, что Зарядье должно быть музеем под открытым небом, где экспозицией является сам город. И здесь в ТЗ, в той модели, о которой я говорю... Была книжка с техническим заданием, которая была дана на конкурс, и архитектурные бюро со всего мира должны были проектировать именно по этим требованиям и критериям. Так вот для нас было очень важно сохранить точки, все основные памятники, которых огромное количество находится вокруг, чтобы сам парк был фоном для этих памятников. И здесь, наверное, тот самый мост, который победитель конкурса предложил, был своеобразным... Смелым очень, без сомнения, решением *(неразборчиво)*

Вот это — такой слайд *(на слайде: «70 % территории будет занято газонами и садами»)*, который на самом деле показывает результат очень громких и бурных переговоров. Вообще изначально идея правительства Москвы была в том, что это будет очень насыщенный такой центр, где очень много торговых площадей, очень много каких-то еще таких технических и образовательных, очень разных площадей... Это было очень похоже на торговый центр с газоном в довершение. Изначально мы понимали, что все-таки слово «парк» нужно сохранить, вот это понятие. И вот здесь был наш такой смелый assumption, который... Мы все-таки до конца надеялись, что 70% территории должна быть сама зелень, сам ландшафт. И это и есть основная причина, почему люди должны сюда приходить. Потому что это зеленая площадь рядом с Красной.

Также важным на тот момент было сделать Зарядье одним из... Не только жемчужиной общественных пространств, но и для пешеходных потоков, и для водного... Поэтому изначально пристань планировалась здесь, потом в процессе она была перенесена дальше, но так или иначе выход к воде удалось сохранить дальше уже проектировщикам.

Может, на прошлой неделе вы были свидетелями, как мой коллега Михаил Алексеевский рассказывал про мифы и легенды, связанные с этой территорией. Так вот Псковская горка, это была одна... Та часть, которая была... Которую вспомнили жители, которые жили здесь давным-давно, до еще момента гостиницы «Россия». Так вот это также было одним из критериев, что необходимо было вот этот элемент ландшафта как память сохранить. И самое забавное, что так или иначе, то, что получилось у проектировщиков, это действительно напоминает горку. Это было... Не уверена, что это было как-то осознанно, но так или иначе Псковская горка там сохранилась.

Очень важно было сезонное наполнение. Что... В тот момент напомню, что очень популярными были катки, и очень долго мы старались доказать, что, может, не везде стоит делать каток, а вот, там, горка — это и есть тематика именно Зарядья.

Ну, и последний, наверное, слайд, который рассказывает, что... Сам факт, что было выбрано американское бюро, конкретно — Diller Scofidio в консорциуме с City Makers и с Hargreaves and Jones - это результат работы двух заседаний жюри. И здесь рецепт успеха был в том, что это не только архкритики, как это часто бывало, но это в первую очередь представители мирового экспертного сообщества. Здесь такая комбинация очень успешная: восемь на семь. Здесь... У этих людей было совершенно противоречивое мнение, но в итоге удалось прийти к консенсусу, что смелый проект сможет стать такой очень пилотной точкой для дальнейшего развития Москвы.

Поэтому то, что было выбрано, со всеми смелыми решениями была очень осознанная позиция. На этом у меня всё. Дальше во время дискуссии я смогу что-нибудь рассказать или ответить на ваши вопросы.

Елена Овденко: Спасибо Далия за ваше мнение, теперь я могу передать слова Никите Асадову.

Никита Асадов: Да, добрый день. У меня получился такой взгляд... Немножко и изнутри, и снаружи процесса, поскольку мой отец в качестве главного архитектора института Полянского довольно плотно занимался всем этим проектом... Дело в том, что институт как раз сопровождал полностью американский проект, и в общем задача была попытаться не испортить то, что было придумано. Максимально близко к тексту транслировать это на язык российских требований и нормативов.

Но при этом, отчасти сознательно, я был там всего два раза. То есть я вообще в этот проект никак не вникал, никак к нему не относился. Более того, мне очень хотелось попасть туда спустя только несколько лет. Поскольку я до сих пор считаю, что проект, во-первых, не достроен, а, во-вторых, в принципе еще не может быть запущен, и несколько лет должно пройти, прежде чем эта территория превратится в парк. Как просто по растениям, которые должны вырасти... Они как-то прижиться... Так и по людям, которые должны начать его уже полноценно использовать. Сейчас уже немножко такая модель парка, которая должна в какой-то момент запуститься. А, во-вторых, это всё-таки не до конца парк, скорее даже «непарк», чем парк.

Вот как раз буквально пару часов назад мы с Джемалом Суманидзе, который в проекте... Занимается программой, которая называется «Городская Среда», и благоустройство транслируется на все города страны... Мы с ним вот парой слов перекинулись по поводу Зарядья, его версия, что это, что это такой торговый центр. Исходя из технического задания, понятно, что так оно и задумывалось, и в этом месте...

Далия Сафиуллина: Здесь важно сказать: изначально это был statement правительства Москвы, но путем очень долгих переговоров удалось... Если я не ошибаюсь, в 8 раз сократить количество торговых площадей и сделать так, чтобы в приоритете был именно парк. Потом в процессе чуть-чуть это возросло, это я не скрою, но вот то, что... Первая цифра и финальная... Они сильно-сильно отличаются.

Никита Асадов: Ну, да, это тоже уже заслуга такой уже работы с городом. Вот исходя из этого у нас возникла такая забавная гипотеза, что Зарядье интересно смотреть в связке с Манежной площадью. И проект, так же, как Манежка, — суперхарактерный пример и архитектуры, и методов работы с городом, и вообще типов пространств, которые появлялись в 90-е годы. И по сути стало модельным пространством на... на пару десятилетий. Точно так же и Зарядье сейчас работает как модельный проект. И, во-первых, на другие города... Что очень важно и что ценно в принципе... Но другой вопрос, как это будет ретранслировано для других городов. И для Москвы в том числе,

потому что... Я как-то даже тоже думал о том, что Зарядье случилось прежде программы «Моя улица», в общем-то стало моделью для благоустройства отчасти. Ему важное место здесь тоже отводится.

Вот. И что касается непосредственно архитектуры и мнения профессионального сообщества... Ну, оно такое разрозненное, единой позиции, понятно, что нет, и даже невозможно. На мой взгляд, ну, это вот очень такой отвлеченный взгляд человека, который туда один раз буквально пришел, посмотрел, ну, чуть-чуть сравнил с тем, что он помнил по проекту исходному. Чувствуется, что это западная архитектура, чувствуется, что она вторична. Причем даже на момент возникновения проекта — это не хорошо и не плохо, ну, как некая данность. На мой взгляд, сейчас уже, ну, даже чуть-чуть неприлично делать такие проекты: излишне в какой-то степени дорогие, слишком фигуративные, ну, там, бионическая архитектура все-таки уже лет пять как непопулярна.

Но при этом появились действительно очень такие непривычные для Москвы вещи. О них можно долго говорить. Но есть... Есть новое впечатление. Такое же новое впечатление, как возникло у меня в первый раз, когда я в первый раз попал на «Стрелку»... Что в Москве, в принципе может быть... Такое же новое впечатление, как от парка Горького и от набережной. Крымская набережная, она, конечно, очень сильно поменяла ощущение того, что в городе... Во-первых, что в Москве это возможно, и с таким качеством это можно сделать. И что в принципе в городе побеждает абсолютно новая какая-то субстанция. И в этом смысле <такая тема> как победа природы над городом Зарядье, мне кажется, интересна прежде всего. Потому что даже в мировом опыте, ну, не очень много проектов подобного рода можно встретить. Вот. И при этом это, конечно, многофункциональный центр, от того, что там двухэтажная парковка, большое количество вроде как даже вполне успешных и востребованных площадей торговых и культурных. То есть это такая связка.

Но здесь и про историю места тоже можно вспомнить, что она использовалась... То есть хотелось бы, может, уйти от создания излишних площадей. Но здесь и те фундаменты, которые были под высотку... Которая была изначально перед гостиницей «Россия». И в каком-то смысле повторилась история Храма Христа Спасителя, который сейчас уже наслоился на фундамент Дворца Сов... Съездов... И сейчас, по сути, зал, который предполагался как зал съездов советских... Советской республики... Он, в общем, превратился в Зал Собора Православной церкви. Ну, то есть такая тоже интересная история. Она же и в Зарядье, поскольку невозможно было тоже эти стены очень толстые и монументальный фундамент никак выкорчевать и использовать. Также забавно. Хотя в ландшафте это очень сильно чувствуется. Ландшафт парковки, на мой взгляд, — самый такой провокативный момент. Ну, и по качеству, и они выдают, что там все-таки что-то есть. Вот. В целом, у меня все.

Елена Овденко: Спасибо большое, Никита. Я думаю, следующее слово мы передадим Рустаму. Прошу.

Рустам Рахматуллин: Спасибо большое. Я могу говорить от себя, могу говорить от нас. Поскольку позиция движения «Архнадзор» известна с самого начала, с момента конкурса и победы на нем американского проектировщика, я добавлю что-то от себя.

Начну с примера. В зоне болот или прудов, уж не знаю, как она должна называться, в приречной зоне, сохранялась великая улица, четвертая, в действительности главная улица Китай-Города. Главная улица древней Москвы, упомянутая по крайней мере в XV веке. Ясно, что создание прудов — они же болота, сопровождалось уничтожением этой археологии, за исключением абсолютно искусственного фрагмента — так называемого археологического музея, где мостовая (точнее — ее фрагмент) почему-то положен не только перпендикулярно самой себе, но и в

продолжение Китайгородской стене, которая в свою очередь разрушена, за исключением этого фрагмента. Я говорю о подземных частях китайгородской стены. Теперь простая мысль: великая улица была урбанизацией Мокрого луга в 15-м столетии: разрушение великой улицы и замена ее прудами и болотами является дезурбанизацией. Если припомнить ругательство «урбанина», то — «дезурбаниной». Никита сказал, что это победа природы над городом, это совершенно точно так, но со знаком минус, на мой взгляд. Так вот прямое физическое уничтожение результатов урбанизации XV, а, может быть, и более раннего века, это, на мой взгляд, — знаковая вещь.

Псковская горка. Это, конечно, не Псковская горка. Ее сейчас трудно локализовать, но это урочищное определение относится к церкви Георгия, самой дальней по Варварке. И если пытаться представить эту горку, то это какой-то микровыступ рельефа, подобный, ну, например, подпорной стене Василия Блаженного, либо просто склон уже несуществующих зарядьевских переулков, по которым вот катались в старину прабабушки и прадедушки на санках. Но никакой Псковской горки в центре Мокрого луга не было. И нам просто насыпали холм, точнее — выстроили из бетона и насыпали на Мокром лугу. Здесь я опять упоминаю Мокрый луг. То есть на низком месте было создано высокое. Это не просто дезурбанизация, это выпадение из исторического времени в геологическое.

Кто бы из великих зодчих прошлого, утверждавших свою самость и не умевших по-другому, не строил в Москве, он все-таки не думал вторгаться в ландшафт столь активным образом. Он не думал пересоздавать геологию. Я знаю исключение: прибавление Дмитровского холма перед царским дворцом — так называемый «взруб». Он существовал с конца XVI века, еще некоторое в XVII-XVIII. Дворцу не хватало места, этот взруб, это прибавление, исчезло. Кремлевский холм выравнивал свою линию со стороны Москвы-реки. За этим исключением холм в центре Мокрого места — это, конечно, абсолютно искусственное и квазигеологическое вторжение. И в этом смысле это — опять победа природы над городом, снова поставил бы здесь знак «минус». То есть здесь ни то, ни другое не отнес бы к победам паркостроения, к победам ландшафтной архитектуры. Я бы отнес это к победам «духа самости». Просто самости над духом города. Есть два типа зодчих, это прослеживается во все времена, но особенно в Новое время. Ну, например, в паре Баженов-Казаков можно вспомнить модель Кремлевского дворца, вещь абсолютно самостийная. И можно вспомнить аккуратную работу Казакова, в пример, после прекращения баженовского проекта: да, гениально вписана стена, например, в треугольник московских улиц, создание поперечной оси Красной площади и так далее.

Это два типа зодчих, которые существуют издревле; по крайней мере, с Нового времени. И это прямо связано с некоторым неверием в возможность сотворчества — божественного и человеческого. Я сейчас уже говорю о метафизике. Это — неверие в то, что у Москвы есть замысел, что у Москвы... Что над Москвой надстоит какая-то проформа, и, наоборот, убежденность в том, что человек здесь абсолютно свободен. Если угодно, это петербургская форма творчества, архитектурного творчества на чистом листе, на белом листе или опять-таки на том же самом болоте. То есть здесь утвердился вот этот тип «ячества», противоположность которому — это средневековый принцип «грешного аза»:

- Кто построил эту церковь?
- Аз грешный и сотоварищи.

Имя может быть даже неизвестно. Здесь же речь идет о «ячестве», причем, подчеркнутым. Главный архитектор в таких выражениях описывает это гениальное произведение, никогда не бывавшее прежде на свете, что ни один даже самый восторженный самостийник XVIII-XIX веков не позволил бы себе даже в частной переписке. Даже архитектор и писатель, наподобие Николая

Александровича Львова, никогда не позволяли себе таких самовосторгов в публичной плоскости. А Николай Александрович Львов — это не абы кто.

Вот, безусловно, перед нами... Я начинаю повторяться... Торжество вот этого самоутверждения и полного нечувствия города, полного недоверия к его праформе и к его замыслу.

Возвращаясь на землю, на почву, и заканчивая, просто хочу привести несколько примеров. Гостиница... Один уже приведен... Гостиница «Россия» относилась к памятникам... церквям, к палатам Варварки как к музейным экспонатам — как к бутылочкам на полочке. Точно также отнеслись к ним проектировщики.

Уже после победы проекта мы обращали внимание на то, что проход между Варваркой и парком там, где стоит крест над общим погребением останков человеческих, найденных археологическим путем, что там прохода не будет. Что прохода, как мы полагали, между собором и колокольной Знаменского монастыря, там или у гостиницы «Россия» был пандус, в случае восстановления монастыря не будет. Однако мы не доценили ресурс Сергея Семеновича и компании. Накануне сдачи парка монастырь... Там нет монастыря — приход. Стал спешно по несогласованному проекту возводить свой забор. Ведь забор там был решетчатый. В этой ограде решетчатой бабушки приходские прекрасно растили свои цветы, как это бывает во всех приходах. На следующий день этот забор был снесен, а через бабушкины цветы положена пресловутая плитка. И проход между Варваркой и парком через центр будущего монастыря был утвержден со всей яростью административного ресурса. Единственное что... При этом надо понимать, что, например, в монастыре не стали бы отпевать, а в церкви приходской иногда отпевают. Это не имеет никакого отношения к парку, и надо огораживаться. Это не значит, что надо огораживаться трехметровым забором, но это означает, что памятники, стоящие вдоль Варварки, — это не музейные экспонаты. Это живые учреждения культуры и действующие храмы.

Музей «Английский двор» просил вернуть ему двор. Он выходил не на красную линию какого-либо переулка, он имел перед собой двор. Но поскольку Музей Москвы — часть структуры Департамента культуры Правительства Москвы, ему сказали: «Посиди спокойно. Мы тут сейчас всё построим и тебе покажем». Я утрирую, я не знаю, как ему сказали. Но никакого самого шекспировского сада, который Английский двор подсмотрел в Стратфорд-на-Эйвоне, и предлагал интегрировать в проект парка, он не получил. А какое противоречие между шекспировским садом английского подворья XVI века и идеей парка в Зарядье? Никакого противоречия. Что штaketный заборчик помешал бы этим грандиозным планам? Да, нет, конечно. Вместо этого перед фасадом Английского двора когда-то гостиница «Россия» выставила стеклянno-бетонный откос этого псевдохолма.

Эти примеры можно множить, но даже перечисленных — великая улица, отношение к Знаменскому монастырю и отношение к палатам Английского двора достаточно для подтверждения моего исходного тезиса. Это абсолютное самоволие. Причем, импортное, прав Никита. Догоняющее **западничество** и в этом смысле абсолютно неинтересное. Вот итальянский Кремль XV-XVI века догоняющим западничество не был. Как этого удалось добиться? Вопрос. А здесь — догоняющее западничество, превращающее город в природу, дезурбанизирующее исторические структуры, вмешивающееся в диалоги. Спасибо за внимание.

Елена Овденко: Спасибо большое за ваше мнение, высказывание. Сейчас у нас техническая пауза, мы попробуем позвонить? У нас сейчас также будет связь с Питером. Дело в том, что часть кураторов центра современного танца сейчас находится в Питере, и готова с нами пообщаться по скайпу. Также мы предоставим слово Ольге Матвеевой, попросим рассказать о вашем совместном опыте. Мы дозваниваемся? Алёна, здравствуйте! Вы нас слышите? Мы бы хотели сейчас с вами

пообщаться: поделитесь, пожалуйста, своим опытом участия в перформансе «Невидимый танец» совместно со Школой Родченко.

Алёна Папина: На самом деле это предложение пришло после нашего сотрудничества со школой Родченко. Оля предложила взаимодействие с фотографами. До этого мы делали со школой Родченко проект с видеографами. Там мы тоже на самом деле исследовали танец, и соединение между ситуацией с фотографией... Выбиралось место, которое было бы вне студии, и на самом деле на это был больше запрос школы Родченко. Оля предложила парк Зарядье как место, которое достаточно высоко обсуждаемое на данный момент. Поскольку оно только открылось, вокруг очень много дискуссий. Поэтому мы согласились провести всё там. Нам было интересно попробовать пространство нестудийное. Это всегда интеракция с людьми... Это всегда такой challenge для людей, которые в этом участвуют, потому что этот проект не был согласован с охраной в парке. *(неразборчиво)*

Еще интересна грань между видимостью и невидимостью. Как сделать танец, который для нас бы являлся таковым, но для зрителей не был бы очевидным. Многие участники шли в сторону от отказа от визуальной репрезентации танца. Были и те, кто танцевали в толпе, в потоке людей. *(неразборчиво)* Движения могли быть минималистичными. Какие-то движения были заметны только для самого действующего. Либо это были движения, которые могли вызывать протест социума. Люди могли совершать интервенцию своим телом. Может быть, ко мне есть какие-то вопросы?

Елена Овденко: Спасибо. Мы сейчас еще слушаем Ольгу, ее часть истории, спасибо вам, что вышли с нами на связь. Успехов вам, спасибо.

Ольга Матвеева: Спасибо. Еще раз добрый вечер. Коротко напомню, что меня зовут Ольга и я художник и преподаватель вечерней программы в школе фотографии и мультимедиа имени Родченко. И сейчас происходит верстка нашего небольшого онлайн-зина по итогам коллаборации с центром современного танца ЦЕХ. Идея была совместная: устроить такой эксперимент.

Что вам рассказать? Еще раз скажу, что это не первое сотрудничество школы Родченко с ЦЕХом, в прошлом году мы успешно начали коллаборацию с подростковыми группами фотографов школы Родченко и юными танцорами из ЦЕХа. Мы продолжаем этим заниматься в этом году, и вот эта коллаборация со взрослыми студентами — это эксперимент, и на мой взгляд, я бы оценила как эксперимент, превзошедший ожидания.

Итак, как появилась идея отправиться именно в Зарядье? Как известно, это пространство новое, медийное и собравшее вокруг себя множество дискуссий, поэтому мы наметили в качестве места именно этот парк. И Вера предложила свой проект «Невидимый танец», который она уже реализовывала на других площадках. Соответственно вот этот вот эксперимент... Несколько танцоров, причем опытных, танцоров-перформеров от ЦЕХа и начинающие фотографы школы Родченко. Курс «Основы фотографии» на вечерней программе школы Родченко представляет собой очень такой базовый, ознакомительный курс. И надо сказать, что многие из фотографов взяли в руки фотоаппарат непосредственно перед началом курса. И на мой взгляд результат очень достойный и интересный. И самое важное: это занятие такое стандартное, оно присутствует практически на каждом курсе нового набора по «Основам фотографии». То есть это первое выездное занятие, на котором студенты практикуются не только в каком-то жанре репортажной съемки. Они в первый раз в жизни пробуют снимать на пленку, на аналоговые фотоаппараты. И половина фотографий, которые вставлены в зин, они сняты именно на пленку. Вы можете сами заметить и выделить.

Итак, почему коллаборация? Почему танец-фотография? Обратите внимание, что цели и задачи у перформеров и фотографов очень схожи, потому что фотографы исследуют пространство при помощи различных визуальных приемов, композиционных приемов, ищут ракурс, придумывают концептуальные серии. В любом случае это очень личное исследование, личное восприятие. С другой стороны, центр ЦЕХ занимается тем же самым, но на совершенно ином, тактильном уровне. Поэтому не возникало сомнений по поводу коллаборации.

Еще хотела сказать, что мы начали эту встречу с перформанса ЦЕХа, это длилось час, после чего фотографы продолжили. Каждый сфокусировался... Попытался сфокусироваться на какой-то личной, маленькой актуальной для него теме. И у каждого фотографа получились какие-то маленькие серии, и это очень хорошо проглядывается среди фотографий. Можно заметить, что кто-то останавливал свое внимание на каких-то фрагментах ландшафта. Кто-то снимал архитектурные детали, кто-то обращал внимание на посетителей. То есть в любом случае коллаборация представляет собой непосредственное взаимодействие, как со средой, ландшафтом, так и с посетителями. И вот сейчас только что представили разворот [фоном на экране идет презентация альбома со сделанными фотографиями], на котором, например, были запечатлены рабочие, которые на данный момент являются непосредственными участниками жизни Зарядья. И я очень рада, что это тоже оказалось в том числе отражено.

И последнее, что я хотела сказать по поводу приемов, которые использовали наши фотографы. Мне очень нравилось наблюдать, как многие фотографы решили выбрать одного перформера и следовать за ним на протяжении всего часа. И таким образом получилось своеобразное взаимодействие не только с внешним, но и между участниками, этого эксперимента. Ну, и я очень надеюсь, что Алена, куратор школы, куратор центра ЦЕХ тоже еще к нам присоединится и еще что-то добавит.

Елена Овденко: Алена с нами еще? Я думаю, Алена с нами еще побудет и подключится на серии вопросов. Я думаю, что будут вопросы. Действительно очень интересное событие. А пока мы передадим слово Эдуарду. Прошу вас.

Эдуард Бояков: Спасибо. Я хочу вернуться к темам, которые начали Никита и Рустам. Все-таки, мне кажется, сейчас сложно говорить о перформансе, это совсем другая история, другой жанр и другая тема. Хочется сказать о своем впечатлении как москвича, как горожанина, как наблюдателя, который достаточно много наблюдал эти процессы урбанистические, которые лет 10 начались так более-менее серьезно. На моих глазах это все придумывалось. И Илья Ценципер, который сделал много работ разных, который в общем-то «Стрелку» придумал и в общем-то, можно сказать, что и парк Горького тоже, и Шапиро, с которым я работал много в театре... В общем-то история развивалась, и мы имеем парк Зарядье, безусловно, как некий важнейший этап, как результат. Вот то, что сказал Никита – здесь сложно спорить. Действительно, этот этап – веха, такой же, какой является Манежная площадь. Чудовищная, изуродованная. Ну, в общем, мы потеряли Манежную площадь в принципе. Вот она была, мы ее потеряли. Теперь вот это вот уродство церетеллевское существует в Москве, и хочется все-таки надеяться, что хватит какой-то смелости... Я не знаю, чистоты намерений... Может быть, через 20-30 лет мы вернемся к тому, что там снова возникнет площадь, пустое пространство. Это было бы очень правильно. Между Манежем и гостиницей “Four Seasons” (Как она сейчас называется? Прежде – гостиница «Москва».) Это – большая веха. Теперь мы имеем в виду... Мы имеем парк Зарядье, который тоже этой вехой, этой точкой является.

Я очень со многим согласен из того, что сказано Рустамом про вот эту **энергию «ячества»**, которой очень много. Она действительно есть, это действительно западный подход, в плохом смысле этого слова, – подход «яческий», подход, нарушающий правила города, правила среды. С

другой стороны, мы живем в городе, и ведь Москва нынешняя и Москва XV века... И существует ли вот этот метафизический какой-то закон, какое-то правило, которое якобы управляет городом... Я уже не могу вообще сказать, что он существует, этот гений места. Но если он и существует этот гений места, то уже включает опыт и восстановления Храма Христа Спасителя, и много-много вещей, и московские высотки... Гений места Парижа уже не представим без Эйфелевой башни, и без этого известного треугольника во дворе Лувра – это же ведь тоже... еще ой-ё-ёй какое вторжение, правильно? Еще больше этого «ячества», еще больше это есть, но оно уже произошло, и теперь проходит-проходит-проходит-проходит время, и в общем-то это какая-то такая часть пейзажа.

Я думаю, здесь, наверное, с Рустамом не соглашусь. Идея с парком – это лучшее, что могло произойти. Вот идея с парком – это невероятно крутая идея. Я вспоминаю выступление твоего отца, Никита, на «Зодчестве», да? Где очень символично, очень так на грани, действительно, такого перформанса мистического нам объяснялось, что вот Кремль – как центр, есть двуглавый орел, и нужно соблюдать пропорцию между вот этими... Один смотрит направо, другой – налево, один – на запад, другой – на восток. Это действительно идея нашей страны, нашей России. Мы действительно евразийцы в самом таком серьезном, корневом смысле. Но мы не должны превращаться в Европу, мы не должны превращаться в последователей Азии.

И вот эта вот пропорция с одной стороны, Храм Христа Спасителя как абсолютная вертикаль, абсолютная вертикаль и физическая, и пространственная, и смысловая – религиозный шпиль, главный храм страны. С другой стороны, Китай-город. Ничего более горизонтального нельзя придумать. Китай-город, не четыре, не пять, а сколько? Там, кажется, сорок храмов было? Около сорока, если я не ошибаюсь. Говорили во всяком смысле, что снесли. Это ведь слобода, представляете? Было такое место недалеко от царской власти, возникает место горизонтальное во всех смыслах этого слова. Место средовое. И тогда – вот это с одной стороны Храм Христа Спасителя, а с другой стороны – горизонталь слободы, горизонталь вот этого нашего чайнатауна, она уместна. Возникает идея Леонидова, да? С этим небоскребом, который там должен был там быть... Возникает идея Леонидова, начинает строиться небоскреб. Обратите внимание: как только начали думать о небоскребе, через какое-то время храм уходит, и возникает на месте храма бассейн. И в этом действительно какая-то невероятная, даже такая символическая, мистическая симметрия существует, логика. Потому что ничего более горизонтального, чем пространство воды не существует. Возникает снова храм на месте бассейна. Что мы должны делать?

А там [в Зарядье] к тому времени самый большой отель в Европе. Значит, мы должны убрать этот отель, мы должны размазать это пространство. Нарушены ли правила? Можно было бы сделать все чище, лучше? Здесь, конечно, да. Я соглашаюсь и с Рустамом, здесь огромное количество видимых законов нарушено, и с Никитой, который характеризует это решение как вторичное. Вот это вот... вот эти железяки, вот эти вот шурупы на больших листах стекла. Это действительно уже... Ну, это уже позавчера. Мне это не симпатично. Здесь мы не выступили действительно какими-то новаторами. Увы, не случилось того чуда, которое произошло с Московским Кремлем. Но для того, чтобы это чудо произошло, нужно иметь не только Фиораванти, но и Софью Палеолог, которая могла бы пригласить. У этих людей, у нас этих политиков сегодня в стране нет. И совершенно точно понятно, что Капков не тот человек. Ну, ребята, не смейтесь. Слава богу, Капков сделал выше крыши, что он мог. От него нельзя большего ожидать. Это не то время, не та фаза что ли. Ну, вот как-то мы двигаемся-двигаемся, и я все-таки... Как я уже третий раз говорю, соглашаюсь с Рустамом очень во многих таких оценках метафизических. Я все-таки надеюсь, что ту перспективу, которую нарисовал Никита, вот эта перспектива четырех-пяти лет, она все-таки сможет существовать и в каком-то позитивном таком векторе. И это вопрос открытый, что будет с парком Зарядье. Очень-очень открытый вопрос. И ответом на этот вопрос в том числе будет являться не только... Как там с этими травками, кустиками разберутся, сколько еще денег у Собянина попросят, чтобы их высадить и так далее. Но и в том числе и такая культурная доктрина, которая сейчас совершенно отсутствует.

Вот когда меня позвали на сегодняшнюю нашу встречу, я просто зашел на сайт парка Зарядье, просто, чтобы получить ответ: а там есть какая-то вообще культурная политика? Ну, артистическая. Там арт-директор есть или нету? Там какой-то директор парка, Трехлеб. Я вчера узнал, что он директор парка. Из «Единой России» – окей, хорошо. Бухгалтерия – хорошо. Инженерные сети, еще что-то там. И где-то там в шестой-седьмой-девятой строчке какой-то... «Культурные проекты»... Фамилии я не запомнил, этот человек работал на телеканале «Дождь». Ну, ничего больше, ничего на свете о нем я больше не слышал. Я все-таки интересуюсь культурным контекстом. Такой крутой, такой мощный проект как Зарядье, конечно, достоин и артистической дирекции. Может быть, когда сюда придет Валерий Владиславович Гергиев, когда будет запущен вот этот вот концертный зал, там возникнет... Какая-то самонастройка произойдет, может быть. Но сегодня это выглядит очень опасно.

Вот эти вот холмики, сидящие на этих холмиках ребята, которые слушают какую-то музыку. Ну, и вот это какая-то **хипстерская чепуха** и будет заполнять вот это вот пространство. *(неразборчиво)* Мы уже отсмеялись, когда я был в последний раз, она была чудовищная просто. Это страшная и ужасная музыка для среды, музыка для открытого пространства... Это очень серьезный жанр, это очень серьезный жанр. Ну, там, я не знаю, вспомните... Филипп Гласс что-то писал, музыку для аэропорта, или Дэвид Кинг (?) или еще какие-то великие музыканты писали... *(неразборчиво)* А здесь какая-то такая лажа звучала, прямо аж оскорбительно для уха.

А вот эти истории с кустиками и с ландшафтами – они хорошие. Что касается культурного наполнения, артдирекции – этого нет, музей очень плохой. Здесь я соглашусь с Юрием Аввакумовым, который ругался очень. И в общем, там надо все это еще поднастроить, пожить. Но я так думаю, что шанс есть.

Елена Овденко: Спасибо, Эдуард. Я внесу небольшое пояснение. К нам присоединяется еще один эксперт Петр Айду.

Петр Айду: Я не эксперт.

Елена Овденко: У нас озвучено, что это – круг экспертов, давайте сойдемся. Петр Айду – музыкант, автор проекта «Звуковые Ландшафты», который был поставлен в Театре Школа драматического искусства. И продолжая тему о звуковом наполнении парка, прошу...

Петр Айду: А что я должен сказать.

Елена Овденко: Я поясню: тематика нашего круглого стола – это эстетика, ландшафт и ощущение Зарядья, у нас получилось довольно творческое обсуждение и архитектурного наполнения и контексте, об историческом окружении, о том, какие сценарии использования пространства в парке возможны (например – танец). Но у нас остался открытый вопрос о звуковом наполнении парка: как то, что воспроизводится в нем, сочетается, может, резонирует с общим окружением – с дорогой и с колоколами, которые в определенный момент звонят.

Петр Айду: Ну, во-первых, я там не был ни разу.

Елена Овденко: Никогда.

Петр Айду: Да.

Елена Овденко: Отлично.

Петр Айду: Не эксперт, не был, поэтому я даже не знаю, что там происходит. Там что-то происходит? Что-то звучит? Вообще в принципе существует такая проблема, что на самом деле речь идет не о том, насколько качественное или некачественное звуковое наполнение. Качество все понимают по-разному. На мой взгляд, в этом вопросе: чем меньше, тем лучше. А лучше, чтобы вообще ничего не было. Мне кажется, самая лучшая музыка – тишина. В наше время, когда количество вообще... Если рассматривать с такой экологической точки зрения, количество шума, включая музыку, которая звучит вообще вокруг нас или внутри нас, настолько много этого всего, что на самом деле мне кажется, что на сегодняшний день отказаться от чего-то лучше, чем что-то добавить в этом направлении. Но это вопрос, конечно, для обсуждения. И мне кажется, что я среди столь уважаемых экспертов не могу читать нотации о том, как следует поступать. И как-то, мне кажется, это невежливо даже. Я, как сказать, с удовольствием поучаствую в дискуссии вокруг этой темы.

У меня был опыт звуковых инсталляций для парка, это как раз было при царствовании Капкова и многие вещи были возможны, которые сейчас не очень возможны. В частности, был такой проект, что во всех московских парках звучит специально сделанная... Ну, в общем, звуковые инсталляции. И я с компанией своих единомышленников сделал несколько вещей в пяти московских парках. Но, например, также мы делали как-то раз проект, который так и не смог реализоваться, несмотря на благоприятное время. Это был проект с музыкой, даже – soundart (*неразборчиво*). Так это в результате и не прозвучало в метро, потому что оказалось, что нельзя выключить рекламу, нельзя выключить разговоры о том, что «Граждане пассажиры, будьте взаимовежливы». (*неразборчиво*) А вот парковая инсталляция, она прозвучала. Вообще, как бы, бывают такие вещи, но на сегодняшний день я плохо представляю себе, что там происходит. Потому что речь идет не вообще о звуках и звуковых ландшафтах, а о вполне конкретном проекте, о котором я ничего не знаю, кроме того, что он очень амбициозный, что там будет великий и ужасный Гергиев. Мне от этого становится просто страшно, даже не знаю. (*неразборчиво*)

Елена Овденко: Можете уточнить, почему вы не были ни разу в парке?

Петр Айду: Я живу за городом. Мне и так хорошо.

(многочисленный смех в аудитории)

Петр Айду: Нет, вообще я очень люблю парки и мне было бы интересно на самом деле поучаствовать в таком серьезном деле, потому что я... Потому что к тому, что вы назвали звуковым ландшафтом, я отношусь достаточно трепетно, серьезно. И очень... В последнее время я стал все более и более толстокожим, но... Становлюсь... Но в принципе я очень резко реагирую на музыку, которая звучит на улице или в транспорте, или еще где-то... У меня начинается приступ гнева неконтролируемого и так далее. То есть я к этому отношусь равнодушно. (*неразборчиво*) Может, я участвую в обсуждении.

Елена Овденко: Собственно, да. У нас сейчас будет обсуждение общее. <...> Есть ли вопросы у аудитории? Тогда у меня есть первый вопрос к Далие. Предполагали ли вы, когда разрабатывали проект, что люди начнут танцевать, фотографировать и пытаться менять заданные сценарии действия, есть ли еще какие-то события и мероприятия, которые вышли за рамки предполагаемой программы Зарядья? Можете нам пояснить?

Далия Сафиуллина: Да, спасибо. Я начинаю с дисклеймера. Когда вы говорите «когда проектировалось», я хочу просто разграничить... Наша задача «Стрелки» была именно разработка... Комплексный анализ территории, написание регламентов, в том числе и исторических, и визуально-ландшафтных связей, и мы формировали ТЗ для той самой модели для проектировщиков. Поскольку это был конкурс открытый международный, было много заявок и потом уже архитекторы делали предложение.

А дальше уже была совсем другая стадия, то есть три года мы совсем не участвовали. Были какие-то модификации, они видны в презентации. Изначально, когда формировалось ТЗ на конкурс, естественно, одно из требований, пожеланий к архитекторам было то, что парк должен функционировать круглогодично. Это прописывалось как в пространственном отношении: нужно не только с помощью событий привлекать людей, но и чтобы им климатически было комфортно зимой. Также было пожелание, чтобы архитекторы предложили свою событийную программу, которая была бы в течение всего года. И здесь из тех шести участников, которые были выбраны, на самом деле две команды предложили очень подробную схему – одна из них была китайская команда Turenscape, другая как раз Diller Scofidio, которые победили. И там у них была проработка, которая, насколько я помню, была сделана русской частью консорциума – CityMakers. И там были предложения по насыщению, которые были связаны также и с Красной площадью, и с тем, что находится вокруг.

На тот момент никто, конечно, не предполагал, что будет «Невидимый танец». *(неразборчиво)* То есть не было цели спроектировать все, добавить сюда фестиваль мороженого или чего-то еще, в течение всего года... Они проектировали пространство, для того чтобы парк сам жил и как-то развивался. И здесь также можно отметить, что изначально мы предполагали, что будет очень сильная команда, которая будет заниматься культурным программированием парка, потому что социокультурное программирование – это 50% успеха, когда мы говорим об общественном пространстве и именно парке. И здесь такое, наверное, пожелание, что, наверное, по итогам первого года этим начнут заниматься плотнее. И не только top-bottom должен быть, наверное, подход, но и более горизонтальный, где под такими инициативами пространство будет жить и насыщаться. Поэтому мы очень надеемся и что сами горожане будут по ходу подсказывать вот эти сценарии поведения, и руководство парка начнет как-то реагировать, потому что парк живой. Живой организм должен меняться, дорабатываться, потому что действительно очень много вещей, которые мы изменили, даже учитывая изначальный проект. Есть какие-то моменты. И особое внимание в процессе доработки стоит уделить особое внимание тому, как люди сейчас используют пространство.

Вопрос из зала (представитель движения «Архнадзор», жен.): Извините, а можно вопрос? Добрый вечер. Я, прогуливаясь мимо Кремля, понимаю, что на сегодняшний день этот ансамбль является выдающимся образцом архитектурного творчества. И мне любопытно узнать, были ли проекты на рассмотрении, которые представляли собой такой, ну, как бы синтез что ли? Чтобы это все выглядело как-то гармонично что ли... Потому что для меня... Вы знаете, вот Зарядье – это как... Кремль – это действительно живой организм, и вдруг какой-то инородный предмет представили, совершенно не... Никак не вписывающийся в эту концепцию, в этот ансамбль. Были представлены проекты? Или что парк...? Ведь парк – это место, где люди общаются с природой. Это какие-то не только лавочки, это – фонтаны, это всевозможные, ну, не знаю, как представить... Какие-то лабиринты из растений. Что было сделано, я, если честно, не пойму никак? Вот извините меня, пожалуйста, здесь нет никакого... Интеллект какой-то был вообще при этой работе немножечко? Как это сказать... Помогите мне слово подобрать... Я даже слово подобрать не могу...

Далия Сафиуллина: Это вопрос к кому, простите?

Вопрошающая из зала: К вам. К вам вопрос! Были ли проекты, видели ли вы проекты, которые... Мне кажется, этот проект хорош для Бирюлева какого-то, для Чертанова...

Эдуард Бояков: Можно я отвечу? По-моему, нет никакого вопроса, у вас есть суждение очень резкое, категоричное, собственно, и здесь и спорить нечего. Но вы высказали мнение свое, оно очень категоричное, и, ну... Отвечать на вопрос «был ли интеллект или нет?» – ну, нельзя. Я тот человек, который очень критически относится к этим проектам, и я не могу сказать, что я в восторге, но я понимаю, что компетенции людей, которые делали этот парк... Это были, безусловно, мирового уровня люди, которые видели «Миллениум парк», кто-то к Highline в Нью-Йорке имел прямое отношение – это вообще самый крутой проект в урбанистике. Надо понимать, что... Ну, и не стоит вот так прямо, скажем, судить... А то, что Сен-Суси здесь невозможен или лавочки Сен-Суси – это тоже очевидно. Сен-Суси строился как парк при дворце.

Далия Сафиуллина: Да. Можно прокомментировать? Хотя вопрос все-таки не ко мне, могу прокомментировать, что были представлены разные подходы, всех шести проектов участники, которые были, на этапе технического задания не прописывалась стилистика, в которой должно было быть... Это было именно на усмотрение авторов. То, что прописывалось, -- это функциональное насыщение: что это должен был быть в первую очередь парк и те принципы, которые я раньше показывала. Минимум 70% озеленения, *(неразборчиво)*, должно быть деликатное отношение к историческому наследию, должны быть входы разные. Стилистическое решение... Наверное, стоило бы позвать автора, и его спросить об этом.

Рустам Рахматуллин: Я бы добавил. Было два конкурса. Международный конкурс, который интересен тем, что он прошел до формирования технического задания, если я не ошибаюсь, без всякой связи с ним. Там было что-то, о чем вы, может, спрашиваете. Ну, скажем, проект Аввакумова и Георгия Солопова... Я не знаю, есть у нас выход в интернет, может, поискать по этим фамилиям? Он, например, предлагал действительно демонстрацию ландшафтными средствами. Например, утраченной уличной сети. Это простое и ясное решение. Он не предполагал изменения ландшафтных характеристик. Он был «разбиванием парка», а не «строительством парка». Предлагалось разбить парк, а не строить его. То есть это была действительно ландшафтная архитектура, а не объемная архитектура, которая хочет нам сказать, что она ландшафтная. Вот на этой стадии она... А дальнейшее происходит в действительности в тексте слов, в техническом задании. Либо в техническом задании будет сказано: «Бережно относитесь к памятникам культуры». Либо в техническом задании будет сказано: «Вернуть Знаменскому монастырю исторические границы и при проектировании парка предусмотреть разграничение монастыря и парка». Да, либо будет сказано «восстановить уличную сеть», либо не будет этого сказано. Либо будет сказано «такие-то высотные отметки невозможны», либо этого не будет сказано. В действительности все происходит на стадии техзадания.

Елена Овденко: Спасибо. Я думаю следующий вопрос: очень интересная фраза прозвучала у Никиты о том, что модель парка Зарядье возможно транслировать на другие парки, в другие города. И хотелось бы получить пояснение: в каком виде это возможно? В каких городах, какие условия должны быть соблюдены?

Никита Асадов: Как раз мысль возникла в один раз, когда мы там были вместе с Эдуардом, и поскольку сейчас похожим проектом тоже в центре города занимались, даже сравнивали. Но при этом есть четкое понимание, что если эта идея будет транслироваться, то она будет ввиду недостаточно высокой компетенции в лучшем случае некачественно выполнена, в худшем случае – извращена и превращена из плюса в минус.

При том, что даже Зарядье – довольно спорный ход, я до сих пор в некоем таком внутреннем сомнении, что лучше? В точности восстановленная... Допустим, представить, что там ничего не случилось, и сохранилась полностью ткань города, утраченная... При этом как архитектор, в курсе, что там были мощнейшие фундаменты, которые практически невозможно было технически убрать. Я понимаю, что это еще сложнее было бы восстановить утраченную ткань города, но при этом там могла возникнуть новая какая-то городская история, соблюдающая масштаб и хотя бы некую функцию утраченной городской ткани. И сравнивая с парком, не могу сказать, что парк перевешивает. И при том, что город там был бы лучше. Просто я еще всегда соотношу с контекстом настоящего, и я как раз понимаю, что на уровне сегодняшнего дня и в каком количестве можно делать... И как раз понимаю, что...

Эдуард Бояков: Из чего выбирать? Парламентский центр хотели строить.

Никита Асадов: Да. И как раз реализация... Я тоже понимаю, что то, что мы видим сегодня – это такой супервысокий, очень высокий... Хотя, естественно, ну, это средний... По миру это – средний уровень качества просто реализации, материалов...

Здесь еще можно чуть-чуть уточнять ответ на вопрос, почему такой «ужас», который в общем уничтожает Кремль вообще возможным стал? Ну, архитекторы тоже разделились. По комментариям просто в соцсетях чуть-чуть понаблюдал. Кто-то говорил: «Вау, в Москве это возможно, это очень круто, победа современной архитектуры». Кто-то говорил, что «ну, да, классно; шляпа над унитазом» или что-то вроде этого. Вот такие метафоры были. В принципе мы наблюдаем уже такой типичный подход, уже устаревший. На мой взгляд, даже, к счастью, уходящий тренд. Это – звездная архитектура и ее методы. В том числе: такие сверхавторские решения, навязывающие городу позиции архитектора-суперзвезды, полностью игнорирующие и противопоставляющие себя контексту. То есть есть что-то радикально новое, ни на что не похожее, суперсовременное и потрясающее, и мы как бы не про то, что город. Делаем совершенно новое. В этом смысле Зарядье – это суперобъект. Точно так же, как и гостиница «Россия», точно так же, как и высотка, которая задумывалась на месте гостиницы «Россия». То есть это единое, глобальное решение, и здесь не нужно испытывать иллюзий, что это мистическая история. Это все-таки радикальная, ну, такая единая воля, которая сначала сказала, что здесь будет парк, потом сделали его в таком виде (*неразборчиво*). Это не хорошо и не плохо. Ну, некий такой факт.

И здесь важно, наверное, отметить, некое достоинство, которое все-таки состоит в том, что все-таки это скорее городская история, но она хотя бы прикрыта ландшафтным, она действительно не умирает. И вот, может быть, единственное, я бы перекрасил это из белого в серый цвет, всю архитектуру, которая там есть. Чтобы она еще больше провалилась, еще меньше ее было видно. И тогда это, в общем, такая более-менее ландшафтная история. (*неразборчиво*)

Рустам Рахматуллин: Хотел добавить как раз про политическую волю. Помните? Видели фотографии президента, мэр проходят за забором. За забором кусты, бетонные руины, все брошено, гостиница снесена. Ведь нет же связи между сносом гостиницы и строительством парка, это же не одна мысль, а две разные. Ее уже не было, да. И прези... мэр... Дальше мы можем вспомнить текст, можем реконструировать смысл... Смысл бы такой:

-- Вот, понимаете, -- говорит Сергей Семенович, -- что мы тут имеем.

-- Слушайте, -- говорит Владимир Владимирович, -- а давайте парк сделаем, и всё.

Вот это «и всё», на мой взгляд... Может, я вчитываю этот смысл, но я его отчетливо услышал: у нас нет архитектурных сил сделать здесь «непарк», поэтому «давайте сделаем парк». «Давайте»,

– сказал Сергей Семенович. И сделал. Понимаете? Оказывается, архитектурные силы у нас есть, по их мнению, то есть посыл был прямо противоположный.

Теперь о результатах. Вот если так понимать эту первую сцену с мэром и президентом: нет у нас таких сил, давайте березы посадим. «Хорошо посадим», -- говорит мэр. Но я повторяюсь. И посадили.

Теперь с конца: президент приходит принимать работу. И то ли он должен сказать: «Как замечательно», то ли он должен сказать: «Ну, вы, ребята, наваляли! Я же просил парк!» «А мы не знали, что он сказал». В чем политическая воля? Кремлевский ли это проект? Городской ли? Опять осталось непонятно. Прошлись, сфотографировались и разошлись.

Елена Овденко: Действительно делается очень много фотографий, очень разных, очень интересных, и мы видим по инстаграму, по другим источникам... Очень много в соцсетях. Что выбирают очень разные, своеобразные ракурсы и у нас как раз возник вопрос: какие особые формы, черты можно схватить в парке, сфотографировать. Возможно, вы нам, Ольга, сможете пояснить, что нашли в итоге, кроме берез и на заднем фоне Кремля. Это прям очень стабильный образ был у многих... Расскажите, пожалуйста.

Ольга Матвеева: У меня короткий комментарий. Лучше задавать этот вопрос непосредственно участникам перформанса и коллаборации, потому что я являюсь только куратором и преподавателем этого курса. Ну, может быть, имеет смысл попросить еще раз открыть зин. Во-первых, я обратила внимание, что никто из студентов-фотографов так и не побывал во время этой встречи трехчасовой на Парящем мосту. И я очень в тайне порадовалась этому моменту. Как объясняли фотографы, это было связано с тем, что туда невозможно попасть. В общем-то сейчас это -- одна из основных черт этого парка. Такое перенаселение посетителями, несмотря на межсезонное время, в которое обычно в парк никто не ходит, не попадает...

Ну, вот какие-то пустые пространства. Очень часто фигурировал стеклянный купол и, скорее всего, в первую очередь он фигурировал по причине того, что рабочие ходили по крыше этого купола, и это привлекло внимание всех. Ну, так или иначе, на фотографиях, можно видеть, отразилось внутреннее взаимодействие все-таки перформеров и фотографов. То есть их взаимодействие между собой и взаимодействие между какими-то поверхностями, ландшафтами, элементами архитектуры.

Еще вот... Больше всего, наверное, привлекли к себе внимание элементы созданных ландшафтов, какие-то close-up'ы, крупные съемки... Вот, наверное, так... Один студент даже зашел в этот ужасный ресторан.

Елена Овденко: Почему он ужасный?

Ольга Матвеева: Это мое сугубо личное мнение. Я была в Зарядье только один раз, до перформанса, и меня как-то напугало это место – я имею в виду ресторан. Ну, вот...

Елена Овденко: Напугало даже? Вы дезориентировались в нем?

Ольга Матвеева: Дезориентировалась, смутилась, не знаю... Очень странное внутреннее убранство. Не пришлось по вкусу. Ну, вот. В этот раз, наверное, студенты больше внимание обратили на какие-то все-таки фрагменты.

Елена Овденко: Спасибо. Спасибо большое. Это очень интересное замечание по поводу дезориентации и отпугивания. Потому что, казалось бы, природа, как это закладывалось, должна располагать к какому-то контакту, должна как-то расслабить человека, а, получается, наоборот.

Эдуард Бояков: Я вот хочу продолжить свое мнение выражать, что там отсутствует какая-то артдирекция. Именно не на уровне архитектуры, а на уровне такого дизайна культурно программируемого, вот этой вот функции. То есть вот этого вот момента. Смотрите: на уровне концепции там заявляется, что там создается ландшафт России. Ну, какие-то зоны. А в ресторане есть узбекская кухня. Ресторан – это фудкорты, бывших стран СССР. Вот даже вот здесь вот уже просто на уровне концепта уже ошибка. Ну, воссоздайте тогда фудкорт народов России. У вас вот здесь вот земли России, а здесь – народы России. Сделайте пирожки северные, какую-нибудь якутскую оленину и так далее. Я сейчас говорю очень грубо, очень утрирую, но вот этой логики совершенно точно не хватает. Не хватает содержательного подхода. То есть, что здесь произошло. Вот есть два... Две такие крайности...

Мне кажется, Зарядье можно рассмотреть, можно подумать об этом в ракурсе такого вот треугольника: парка Горького, ВДНХ и Зарядья. Это уместное такое позиционирование. Потому что парк Горького – тоже парк, как и Зарядье. А ВДНХ – тоже объект. Зарядье, мы понимаем, что это не парк, это уже было сказано в начале. Все понимают, что это некий социокультурный объект, это некое высказывание, которое, например, в случае с ВДНХ было сделано очень понятно, жестко и гениально просто. Там сказали просто: «Вот-вот-вот она идеология просто, вот это райское место. Вот эти проекции идеологии на пространство, на скульптуру, на архитектурные формы...» Все совершенно... все цельно. Это цельный проект. Он законченный. И парк Горького тоже цельный проект, но он – парк. Там, как сказали, три с половиной часа, человек должен прийти... Здесь, конечно, на сайте пишут, что можно полежать на травке в Зарядье. Но в общем-то этот парк не для этого, это все-таки... Вот здесь неправда. Никто особо на... Ну, нет, на самом деле, если будет лежать, то устав от все равно вот этого «вау-эффекта». Вот эта вот история с вот этой штукой... Как она называется? Куда нужно идти... над водой... И так далее.

И вот этого вот содержательного подхода не хватило. То есть не осмыслено, недовысказывание. Как я уже сказал, идея с парком прекрасная, но надо было идти дальше. А дальше... И, кстати, здесь как раз-таки иностранцы в таких случаях они привносят универсальный язык, они... Ну, что им сейчас ставить в вину, что они знают хуже историю, чем «Архнадзор»? Ну, это смешно. Ну, конечно, нет, они априори привносят вот эти универсальные, смазывающие... Приводящие все к одному моменты. Так что заканчиваю и повторяю, что надо... Надо программировать и нужно думать очень серьезно, что с этим пространством можно сделать. Мне кажется, с ним что-то можно сделать.

Рустам Рахматуллин: ... но раз мы заговорили о предмете, не имеющем название, несколько месяцев... Понятно, что это уже вообще всем надоело... Но несколько месяцев люди искали название для вот этого выноса... Это, конечно, ни разу не мост, да? Чтобы это... Если исключить оценочные, какие-то метафорические определения, то, может быть, нейтральное слово – консоль. Но в общем, это то, что названия не имеет. Можем ли мы припомнить в архитектуре Москвы, хотя бы ограничусь Москвой, что-то не имеющее названия? Стало быть, это просто левый жест. Левый – в художественном смысле, да? Чем правый. Левые жесты, которые очень часто в вербальных искусствах или в изобразительном искусстве, могут казаться провокационными или просто неприличными... Это, в общем, аналог чего-то такого. Но здесь – просто вещь, не имеющая названия. Как у трехдневной скульптуры жест, не имеющий определенности, жест свободной руки невозможен... Я люблю этот пример. Вот если рука поставлена так, что мы не можем истолковать, что она делает, здесь аналог этого. Это – предмет без имени. Мне кажется, что это иллюстрация некоей ошибки. Вот она просто подтверждение, что это в целом некая даже не совсем архитектура,

да? Но вот выставили вот это и говорят: а теперь давайте еще поиграем в то, как это называется. А мы сами не знаем.

Но для этого не нужен Китай-город, вторая городская часть рядом с Кремлем и Красной площадью. Ну, давайте выстроим это и начнем его называть где-нибудь в кустах все-таки, да? В лесу. Неназываемая вещь появилась в Москве.

Елена Овденко: Спасибо. Я думаю, у меня будет еще последний вопрос, и он будет адресован Петру. Как вы считаете, нужно ли вообще природе, так называемой природе в городе, звуковое сопровождение? И возможно ли перенести опыт других парков, в которых вы занимались звуковым ландшафтом, на Зарядье?

Петр Айду: Ну, я лично думаю... Что там со звуками? А там что-нибудь происходит в этом направлении? Я просто не знаю. Я имею в виду что-то такое специальное.

Елена Овденко: Ну, специально... Из анонсов: там составляли специальный лист, подборку музыки, классики, вначале проигрывали. Потом сменили какой-то жуткой попсятиной, которая напоминает...

Петр Айду: Понятно. В данном контексте – Макдональдс.

Елена Овденко: Мак... Да, ощущение торговых центров. Вот такое вот.

Петр Айду: Понятно. Ну, то, что вы рассказываете, скорее всего и то, и другое – катастрофа, потому что... В таком контексте то, что называется классикой, во-первых, люди не знают, что это такое на самом деле. А я вот, например, точно знаю, что ее просто не существует на сегодняшний день – *(неразборчиво)*, по крайней мере, я про другие ничего не знаю. В общем, наверное, правда с этим плохо все. И дело в том, что в парке сегодняшнем, еще и в центре города, ну, даже если не в центре города, не должно быть никакой музыки, упаси господь. За исключением, может быть, каких-то отрывков, которые могут иногда специально происходить, как это было раньше... Ну, была такая традиция еще... Ну, например, в 20-е годы, даже симфонический оркестр, Персимфанс, например, выступал часто на каких-то... На улице, в социальных каких-то... Были такие ракушки, да? Для таких концертов. Дело в том, что нереплицируемый (?) звук, он гораздо более... трудно сказать почему, но он гораздо более удобоваримый в принципе и гораздо лучше сочетается с природой в принципе, с природой в широком смысле слова (человек как явление природы), поэтому вообще использование электроакустики – вещь очень опасная на самом деле. Ну, как опасная? Не то, что она может кого-то убить, я имею в виду опасная в смысле безвкусицы, которую очень легко привнести. И я видел один раз только... Это, кстати, было на родине Гергиева, в Закавказье, там было... Там до сих пор есть такие матюгальники, которые транслируют радио в центре города. И, с одной стороны, многие жители этим очень недовольны, а с другой стороны, это создает совершенно невероятный эффект попадания в какое-то прошлое время. Потому что для нас это не характерно, для нашего времени, что это... И то там довольно неплохое радио, действительно, не отвратительное. В этом что-то есть на самом деле.

Но дело в том, что в случае с таким амбициозным проектом, как этот, то, конечно же, ничего хорошего там не может быть. Поэтому, мне кажется, самое правильное, что можно сделать, это – исключить всякого рода неидентифицируемый (?) звук на территории этого парка. За исключением каких-то специальных, может, проектов. Может быть, концерт какой-то или какая-то саунд-инсталляция, которая звучит ограниченное количество времени по какому-то специальному случаю или просто вот... Но обязательно вот... То есть это не может... Если там все время будет что-то

звучать, то это, на мой взгляд, это просто какая-то экологическая, **музыкальная катастрофа**. Еще раз говорю.

Елена Овденко: Терроризм такой. Человеческий.

Петр Айду: Да-да. И это вообще такая болезнь. Я вот пытался понять, в чем же тут дело. Но это не слой каких-то отдельных людей... Это в массе своей, я понял, что люди настолько привыкли к тому, что люди настолько привыкли, что все время откуда-то какой-то музон какой-то, что очень многие люди чувствуют дискомфорт, находясь просто в тишине. Причем, это уже давно происходит. Если вы помните, раньше молодежь ходила с бумбоксом по лесу, с каким-нибудь там Валерием Леонтьевым, а сейчас это обернулось в какие-то более вселенские масштабы. Когда звук, сейчас понятно, что любой айфон уже является источником звука, и всегда можно скачать любую песню, любой саундтрек в любой момент, да? И вот универсальность, она, с одной стороны, прекрасна, а с другой стороны, приводит к такому засорению. Поэтому вот как раз сейчас самое время подумать о тишине, мне кажется.

Елена Овденко: Она, возможно, сделает парк более уникальными и снимет вот этот слой универсальности?

Петр Айду: Я не знаю, в чем там универсальность, просто, поскольку, как я уже говорил, я там не был. Но во всяком случае, мне кажется, тут нечего добавить. Мне во всяком случае. Просто даже... Но я уверен, что чтобы там не происходило и как бы это не выглядело, я уверен, что музон там не нежен. Тем более, что мнения по поводу плохого и хорошего, они очень разные.

Елена Овденко: Спасибо большое. Кстати есть очень интересные практики, сейчас в парках же устраивают концерты именно без электронного звучания.

Петр Айду: Это очень правильно. Дело в том, что у нас еще есть традиционная проблема в нашей стране. Она касается нереплицируемого (?) звука. У нас в принципе не умеют в массе своей с ним обращаться. И у меня был такой контраст один раз, когда я оказался в городе Гаага, где был концерт, в общем-то можно сказать поп-музыки. Ну, в широком смысле этого смысла, это был очень хороший концерт, там было все слышно, что играют люди. При этом никак не вышибало, просто переход. И потом я наблюдал буквально через неделю концерт, который происходил прямо на Красной площади в городе Москва. Несопоставимые вещи, да? Это маленькая Гаага и большой город Москва, это была просто катастрофа. Это был концерт организованный каким-то радио, я точно не могу сказать, но это была просто катастрофа. У нас всякий раз, когда происходит уличный концерт... Я сам бывал частью уличных концертов Москвы, даже на Красной площади один раз это было. Один раз наш ансамбль Персимфанс выступал на Красной площади, была книжная ярмарка. Я очень хорошо просто понимаю, что... Ну, я не звукорежиссер, я не знаю, в чем тут беда, и почему всегда так происходит. Но у нас всегда очень плохо работает (?) звук, особенно в концертной ситуации. Я уже не говорю про концертные мероприятия, это вообще всегда беда. Это еще одна причина, по которой этого делать не следует.

Елена Овденко: Очень интересно, я не задумывалась об этом раньше. Возникли ли у кого-то какие-то идеи, вопросы после нашей дискуссии у зала?

Вопрос из зала: У меня вопрос к Рустаму Рахматуллину. Вот «Зарядье» уже появилось, и его не выбросить, не убрать, и ваша позиция в принципе ясна. Есть ли все-таки какая-то возможность его адаптировать? Какой вообще план у «Архнадзора» на Зарядье, планируете ли вы бороться за окружение, которое рядом находится?

Рустам Рахматуллин: Если говорить о том, что вы назвали «борьбой», то надо... Хотелось бы очень получить бумаги ЮНЕСКО и ICOMOS'а, на которые ссылается в интервью, например, Кузнецов Сергей Олегович. Потому что никакие интервью не являются согласованием международных организаций. То есть к разбору полетов осталось только вот это. Этих бумаг мы не видим. Но это же не спецоперация, да? А это просто слова пока. Это, что касается разбора полетов. А вот на вопрос: можно ли что-то исправить, ответ, наверное, такой: что-то можно. Я бы здесь попробовал, и я об этом говорил вначале, максимально уважать живых застройщиков Зарядья исторического. Я бы категорически вернулся к огораживанию Знаменского монастыря, приличным образом, конечно. Не несогласованным забором, а приличным образом. Я бы перекрыл вход через монастырь в парк, я говорю – на перспективу. Я бы вернул возможность монастырю распоряжаться этим куском свободной земли – так, как они делали это раньше, без всей этой плитки невозможной. Это, например, то небольшое, что можно сделать, для того, чтобы хоть как-то действительно облагородить территорию, да? Действительно, осталось очень мало возможностей. Английский двор уже не может восстановить свое проживание, не может. Романовским палатам в общем-то ничего не нужно, они и так огорожены. К плюсам я бы отнес появление устья (?) в двух исторических переулках с лестницами, это то единственное, на чем мы настаивали, это то единственное, чего удалось добиться. Я бы попробовал как-то развить эту тему. Все-таки наметить их более отчетливо: Малый Знаменский пер. со стороны Святых ворот, Настырный (?) переулок, Псковский со стороны Романовских палат, чуть наметить остатки городской структуры. <...> Вот то небольшое, что можно в этой ситуации сделать.

А есть еще что-то, чего нельзя допустить из несделанного. Нельзя допустить дальнейшего разрушения домов по Варварке 14, которые не входят в проект парка, но ассоциируются с ним. Мы остановили этот снос на середине. Это было ровно год назад, ну, в ноябре прошлого года. Стоят руины, только что появилось архитектурно-градостроительное решение. Опять проектируется какой-то зеркальный фон для храмов на Зарядье, но вопрос в том, чтобы само разрушение не пошло дальше. Чтобы они не ограничились сохранением внешней копии здания. *(неразборчиво)* Повторюсь: к парку прямого отношения не имеет, но от реализации этого проекта во многом зависит общее впечатление от квартала.

Елена Овденко: Спасибо. Был еще вопрос?

Вопрос: Спасибо, коллеги за интересные высказывания и за опыт, которым вы с нами поделились. На самом деле нас еще интересовал такой вопрос, связанный с понятием «эстетика Зарядья». Можно... Каким смыслом может быть наполнено это понятие? Может быть, кто-то готов ответить на этот вопрос. Спасибо.

Эдуард Бояков: Ну, если очень коротко говорить, то эстетика, мне кажется, исчерпывается словом «постмодернизм». И здесь вот уже люди, понятно, по-разному относятся к этой философии, к этой эстетике, к этому языку. Нельзя отменить постмодернизм вообще. Даже те, кто его ненавидят, не могут его отвергнуть, то есть это уже факт нашей жизни. Мы живем в постмодернистском мире, но продолжая воспроизводить вот это вот такое мозаичное высказывание, надо возвращаться к традициям, надо очень серьезно, очень глубоко эти традиции через себя пропускать. Вот мы с Никитой попробовали что-то сделать в Коктебеле. Вот только что работали над концепцией «Коктебель-парка», в котором жил, работал, строил свой дом Максимилиан Волошин и из которого появился дом творчества советских писателей. Вот сейчас мы искали ответ на вопрос, что можно сделать с этим пространством в XXI веке, после того, как там вообще все разрушено, что можно было разрушить. Но мы приходим к тому, что есть закон у территории, есть некий ген-код, который нужно нащупать. И если нащупаешь его, то он дает тебе подсказку уже и в современном вот этом постмодернистском мире. Он тебе дает предложение для эстетики. Он тебе дает эстетическую какую-то дилемму, какую-то парадигму, какую-то идею. Вот мы начали исследовать, что там придумывал Максимилиан Волошин, и мы получили ответ на

вопрос, что можно сделать в XXI веке из этого. Это не просто совпадение. Есть вот... Такой Фэн-шуй, есть... Он энергетический, он исторический. Вот здесь вот, даже если и развивать, то, что говорит Рустам со своей стороны, он говорит про улицы, он работает с проектом «Архнадзор»... Я как режиссер-продюсер понимаю, что аналоги вот этого вашего мышления могут быть и в социопрограммировании, понимаете? Не просто бегать и продолжать делать кучу интересных инстаграмов, а посмотреть все-таки, что там было в XVI – XVII веке. И это... Еще очень важно понимать, что не вернешь. Нельзя просто возвратиться, потому что это край города... После Яузы Москва заканчивается. Ее не было. Сейчас нельзя все вот это... Мы же не можем заселить таким же образом, надо найти какую-то аналогию. Какая должна быть эстетика?

Елена Овденко: Спасибо большое. Я думаю, это было последнее высказывание. Нет? Хорошо.

Михал Муравски (многое неразборчиво, реплика передана тезисно): *Хотел сказать несколько быстрых вещей. Интересно было смотреть на фотографии. Тоже интересно смотреть на ту, что сейчас на экране. На ней монструозная стена, которая показывает надежность парка. Есть и детали, которые были незаметны. Я, как зарядьеолог, хожу там каждый день, но не заметил деталей этого огромного здания. Также я хотел спросить или прокомментировать понятие «идеология парка», «архитектурная идеология парка». Здесь есть еще такое понятие как *wild urbanism*, которое перевели на русский как природный урбанизм, а не как дикий урбанизм. Как так произошло, что «дикий» урбанизм стал «природным»? В этом действительно есть вопрос, мне кажется, получившийся парк – «очень вежливый». В этом парке нет возможности потеряться, там этой дикости вообще нет. Также мне понравилось высказывание о Манежной площади в контексте обсуждения Зарядья. В Киеве и в Минске появилась после Москвы Манежная площадь.*

Эдуард Бояков: Москва в этом смысле самоценна.

Михал Муравски: *Да. Как вы думаете, возможен ли экспорт Зарядья? И еще есть вопрос. Я не могу сказать про Зарядье «красиво» или «некрасиво». Может, я слишком часто там бываю, прокомментируйте это, пожалуйста.*

Ольга Матвеева: Спасибо. Сразу скажу, что меня лично, я не могу отвечать за всех сокураторов... У меня нет ни малейшего желания делать подобный эксперимент в пространстве Охотного ряда или в окружении. По поводу «Невидимого танца» и проекта Зарядья – по сути, это совпадение. Мы искали место, где поставить эксперимент, и так совпало, что открылся этот парк, и это стало таким шумным событием. Естественно, мы направились туда. У нас не было никакого предвзятого особенного отношения. И еще я хотела добавить свои комментарии, особенно к предыдущему вопросу о ракурсах. Для меня лично, я ничего не снимала в Зарядье, у меня не было на это времени, потому что я решала другие задачи. В Зарядье я была всего два раза: первый раз, это было за неделю до этого события и в основном я туда шла как преподаватель. Но мое основное ощущение было таковым: «Наконец-то я могу попасть в это пространство, оно открыто, и получить возможность сделать фотографии с тех ракурсов, которые раньше были недоступны». Для меня это была действительно очень большая радость, потому что появились новые точки, новые ракурсы, с которых я могу смотреть на город, на старую часть города. При этом я... Совершенно честно... В поле моего внимания не находились все эти архитектурные сооружения.

Рустам Рахматуллин: Не до конца понял ваш вопрос, скорее понял выступление. Но в ваших словах и раньше прозвучало сравнение с Манежной, которое я хотел бы все-таки прокомментировать. Я понимаю разницу между Зарядьем и Манежкой. Дело в том, что в долине Нижней Неглинной между Кремлем и Университетом, Кремлем и Домом Пашкова, Кремлем и

аристократической стороной города воплощается матрица римского форума. Это периптер Манежа, церковь Преп. Св. Татианы, это Триумфальные Ворота Александровского сада, это руина грота «Руина» в Александровском саду», это и другие менее яркие... И, конечно, эта матрица форума, если понимать форум как эспланаду торжественного шествия вдоль императорского холма, в направлении холма-алтаря, то есть не к императорскому холму, а мимо, вдоль, вдоль Кремля. Конечно, эта матрица воплощается на Манежной площади, только севернее второй Моспроект. Вот такой Рим. Вот к услугам этой матрицы, вот такие Посохины. Но все-таки попадает в матрицу. Вот такая клоака, вот такая квадрига, вот такие руины. Клоака – термин форума – Клоака Максима. Так вот в Зарядье этого нет. То, что сделано в Зарядье, не ложится в матрицу Зарядья. Она не простая. Там могла возникнуть тема города на воде, потому что это место, где Москва началась как речной центр. Там можно было бы подумать о пристани. Там есть тема плебства и патрицианства, когда патрицианство уходит на холм, от этого портового места поднимается, но какое патрицианство! Сразу Романовы. Но они отходят от этого низкого портового места. Это место прямо заливается, заполняется зарядьевским плебством, известного нам с фотографий. <...> Так вот это место, где есть, где спрятаться преступнику, да? Это только некоторые свойства Зарядья, из которых можно было бы выращивать архитектуру. Никакой связи, ни с какой матрицей. Как мы ее не расшифровывали, мы здесь не обнаружили. Вместо отступления на холм – надвигание самого холма. И так далее, не буду больше об этом продолжать, я уже об этом говорил.

Елена Овденко: Спасибо большое. Я думаю, стоит сказать спасибо всем сегодняшним нашим гостям, что вы дали такую богатую палитру мнений, и у нас получается какая-то удивительная картина. Спасибо слушателям.